

П.Н. Матюшин

**МОЛОДЕЖНАЯ
ПОЛИТИКА В РОССИИ
КАК ЭЛЕМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ**

Аннотация

В статье дан анализ современного состояния молодежной политики в России с позиции социально-психологического восприятия ее в молодежной среде. Отображены перспективы и направления усовершенствования процессов привлечения молодежи в реализацию государственных молодежных программ в контексте общественного и индивидуального восприятия подрастающего поколения. Проанализированы разнообразные подходы современных исследователей и выявлены ключевые проблемы реализации молодежной политики в России и Украине. Акцентировано внимание на исторических параллелях и необходимости изучения и использования опыта предыдущих поколений, выявления закономерностей и особенностей формирования общественного исторического сознания молодежи. Доказано, что молодежь как субъект исторического сознания, несмотря на всю ее специфику, всегда находится в поле действия институтов памяти и исторического сознания.

Ключевые слова:

молодежная политика, общественное сознание, индивидуальное восприятие, новое поколение.

В социальной философии категория общественного сознания занимает место основополагающего понятия, с помощью которого раскрывается характер духовной жизни и отношение духовных процессов к материальным. Стоит утверждать при этом, что общественное сознание

P. Matyushin

**YOUTH POLICY
IN RUSSIA
AS THE ELEMENT
OF FORMATION
OF PUBLIC HISTORICAL
CONSCIOUSNESS**

Abstract

The article analyzes the current state of youth policy in Russia from the perspective of socio-psychological perception of it among the youth. Mapped prospects and directions of improvement of processes involving young people in the realization of the state youth programs in the context of social and individual perception of the younger generation. Analyzed a variety of approaches and modern researchers identified key problems of implementation of youth policy in Russia and Ukraine. Accented attention to the historical parallels and the need to study and use the experience of previous generations, identify patterns and characteristics of the formation of public historical consciousness of young people. It is proved that the youth as a subject of historical consciousness, despite its specificity, is always in the field of action of institutions of memory and historical consciousness.

Key words:

youth policy, public consciousness, individual perception, new generation.

является многокачественным образованием и функционирует в самых разнообразных формах, видах, состояниях и уровнях.

Социализация молодого поколения современной эпохи сопоставимо с молодым поколением «эпохи сталинской», когда молодые люди не помнили дореволюционного прошлого, оказались оторванными от традиций, нравов и обычаев «старой» России. Однако, отличительной чертой этих групп молодежи будет «наличие» у последней законченности идеологических усилий государственной системы по созданию «нового человека».

Современное российское общество продолжает свое движение по пути трансформации социетальной системы. Ее главными атрибутами являются глубинные процессы социоструктурных изменений, затрагивающие и институциональные основы общества, и структурно-функциональные характеристики социальных групп, их сознание и поведение. Сама трансформация в российском обществе, характеризующаяся в наиболее общем виде, видоизменением, переструктурированием системы общественных отношений, начиналась, прежде всего, с фундаментальной перестройки политической системы, изменения роли и места различных социальных групп в этой сфере.

Интегрируясь в общественно-политические отношения, молодежь реализует в них воспроизводственную функцию. Идентифицируясь с одними политическими идеями, отвергая другие, индифферентно относясь к третьим, молодое поколение способствует воспроизводству соответствующих идей и ценностей, реализации тех, или иных социально-политических интересов, формирует собственное отношение к действующим в обществе политическим институтам. В процессе социализации под влиянием существующих социальных механизмов в сознании молодежи складывается особая система взглядов, представлений, убеждений не только о сущности политики, но и своем месте в данной сфере, что и составляет основу ее политического сознания. В наиболее общем виде под механизмом формирования политического сознания понимается совокупность способов, с помощью которых субъект политической социализации осваивает политические ценности и ориентации

В данном контексте роль и значение содержания молодежной политики способствует непосредственной трансформации молодежных представлений в систему устойчивого общественного сознания в духовной, политической и социально-экономической сферах.

Пример соседних государств, в которых в результате осуществления «бархатных» революций молодежь показала репрессивное сознание, наглядно доказывает необходимость и своевременность сбалансированного содержания мероприятий по осуществлению государственных молодежных программ.

В современно обществе понятие молодёжная политика является многозначным и в разных формах охватывает 4 больших сферы взаимодействия государства, общества, и молодёжи, как членов общества. Такими сферами являются:

- государственная молодёжная политика, проводимая государством и органами власти в отношении молодёжи, как установленная законодательством Российской Федерации система формирования приоритетов и мер, направленных на создание правовых, экономических, социальных, организационных и иных условий для успешной социализации;
- молодёжная политика, проводимая партиями и общественно-политическими организациями;
- молодёжная политика как область деятельности молодёжных общественных, общественно-политических и иных организаций;
- фиктивная молодёжная политика, имеющая с настоящей один субъект – молодёжь, – но, при этом не направленная на реализацию интересов самой молодёжи;

Такое многообразие подходов в рассмотрении сущности молодежной политики заставляет социологов, историков, политиков и обществоведов разрабатывать множественные методологические подходы в изучении состояния молодежного общественного сознания. В свете данной статьи важно остановиться на точке зрения Т.П. Матяша, считавшего, что молодежное общественное сознание «потому и общественное, что оно не обусловлено только самобытностью индивидуальной психики.... Оно «вплетено» в реальное бытие и если бытие одинаково для какой-то группы людей, то у ее представителей будет продуцироваться примерно одинаковое содержание сознания» [11, с. 261].

Попытка перенести изложенное предложение на сущность современной молодежной политики в России будет явственно показывать разрыв между механизмами и конечной целью этой политики с одной стороны и бытием молодежи – с другой. Картина «среднего» молодого россиянина, как в федеральных, так и в региональных программах получа-

ется весьма оторванным от реальной молодежи, как в социально-бытовом, так и в научном, политическом и культурном плане. Даже в нашем регионе первоначальный уровень реализации проектов в сфере молодежной политики уже требует от «кандидатов» критерии аналитического мышления, предпринимательской инициативы и широкого научного кругозора.

Как отмечает Е.Б. Шестопал, у молодежи, период взросления которой пришелся на время рыночных реформ в нашей стране, знания о политике абстрактны, интерес к политике невелик [11, с. 187]. Молодые люди в условиях неопределенности перестают доверять политическим институтам. Между тем, рядовые граждане, осуществляя свой политический выбор, во многом полагаются на образы, которые им предлагают средства массовой информации. По мнению Д.В. Ольшанского, доминирование неосознанных представлений в сознании – следствие процесса массовизации, связанного с функционированием в современном обществе различных видов информации [7, с. 150]. Поэтому среди особенностей политического сознания молодежи можно отметить доминирование в нем эмоционально-психологической составляющей.

Следующий момент, исходя из представления о молодежном общественном сознании Т.П. Матяша – это связь сознания и памяти (в данном случае – памяти исторической). Сам исследователь утверждает, что «наличие в структуре сознания времени есть память, поэтому можно говорить о том, что память входит в структуру сознания». При этом «время» в данном понимании не есть время физическое (это не продолжительность реализации какого-либо проекта и не возраст его участников), это, в первую очередь, «время, связанное с надеждами, чаяниями и целями целого субъекта, что и обуславливает отношение человека к настоящему, прошлому и будущему» [11, с. 251–252]. Для ученого это память родовая, культурная. Забвение культурных традиций, отсутствие культурной памяти сужает поле сознания.

В одной из лучших отечественных работ о немецком опыте «преодоления прошлого» в XX веке, изданной профессором ЛГПУ А.И. Бороздняком [2, с. 122] можно встретить один чрезвычайно любопытный факт. Он пишет о том, что изменение отношения к Третьему Рейху, попытка действительного преодоления прошлого произошла в ФРГ только тогда, когда на арену общественно-политической практики вышло новое

поколение молодых немцев, не связанных с Третьим Рейхом и выросших в эпоху движения Германии к демократическим ценностям и нормам. Подобный факт роста исторического сознания и самосознания тем более удивителен на фоне практически полного невнимания и «замалчивания» нацистского прошлого людьми более старших поколений.

Указанный факт позволяет убедительно говорить о том, что возраст является одним из ключевых антропологических факторов развития и изменения исторического сознания. Причем возраст в данном случае можно понимать и как возраст народа и как возрастные особенности конкретных носителей социальной памяти и исторического сознания, возраст как проблема связи поколений людей. В первом случае историческое сознание молодежи необходимо рассматривать в рамках широкой проблеме возраста западной (и в первую очередь, европейской) культуры [6, с. 78].

Предшественники руководства современной России явно преуспели в трансформации и рекомбинации фрагментов культурно-исторической действительности в угоду примитивно понимаемой исторической и политической «целесообразности». Общественное сознание у молодежи до сих пор не приобрело навык дистанционирования от власти, разделения деятельности «вождя» и народа. Общество в целом не готово к постижению исторических смыслов, которые, по мнению Ю. Афанасьева, «делают всех нас сопричастными к прошедшим временам и тем самым дают возможность каждому узнавать самого себя в обретаемом общем понимании истории. Это и есть, иначе говоря, обретение коллективной идентичности» [1, с. 12].

Стоит признать, что только в последние два-три года в разделах основных положений реализации молодежной политики в России в целом начинают появляться абзацы и пункты, затрагивающие моменты реализации этого важного направления в формировании молодежного сознания. Постепенный отход от политики «потребительской» к политике «духовно-созидательной» идет очень медленным и мучительным путем.... Этот путь не смогла завершить молодежь Украины, что привело к «возрождению» культа Бандеры в сознании школьников и студентов северных и западных областей страны.

Как отмечают в своих исследованиях украинские специалисты (в частности, Дмитрий Григорьевич Кравченко) «Прошлое в историческом сознании молодежи имеет меньше, чем у старших поколений, психоло-

го-эмоциональную окраску. Это особенно касается недалекого прошлого. Молодежь обладает более глубокими историческими знаниями. Одновременно, историческая память молодежи является неглубокой и не достаточно структурированной. Молодежи присущи более радикальные оценки прошлого, отношение к нему» [5, с. 10].

Вообще, стоит отметить, что в современных украинских исследованиях, прямо или косвенно «задевающих» обозначенную проблему можно выделить несколько весьма тенденциозных закономерностей.

К ним стоит отнести следующее: во-первых, в подавляющем большинстве случаев «историческое сознание» в них рассматривается как относительно самостоятельная составляющая общественного сознания человека, и как такая, с одной стороны, имеет общие характеристики последней, с другой, свои собственные качественные характеристики, обусловленные спецификой осмысления исторического процесса, осознания его сути, ход событий, традиций, идей и исторических теорий. Таким образом, историческое сознание является совокупностью идей и взглядов, с помощью которых человек осознает прошлое, выкристаллизовывает свое отношение к нему, формирует на этой основе свою мотивацию относительно поведения в общественно-исторической практике; сущность исторического сознания охватывается категориальной триадой: исторические знания (память) - отношение к ним - мотивация деятельности.

Стоит подчеркнуть, что в отдельных исследованиях на основе вышеизложенного фактора формируется мнение о том, что историческое сознание современной украинской молодежи сформировалось под воздействием противоречий исторического развития за 3-4 последних десятилетия XX века. Она является своеобразным конгломератом истинных и порочных (идеологизированных, политизирующих) знаний, идей, взглядов, представлен, оценок прошлого, разбалансированных друг с другом и не интегрированных в одну систему знаний, обращения, мотивации.

Во-вторых, исследование молодежной политики в контексте исторической памяти формируется на анализе конкретных составляющих исторического сознания украинской молодежи (память, доминирующие оценки прошлого, мотивация деятельности, отношение к традициям и тому подобное). В контексте этого, в исследованиях проводится попытка научной оценки качества этого феномена в современных условиях; определяются главные противоречия, факторы и источники развития ис-

торического сознания современной украинской молодежи; даются прогнозы возможности целеустремленного влияния на этот процесс, средствами науки, образования и воспитания.

Такая системность исследования молодежного исторического сознания, несомненно, приводит к иным выводам и заключениям, нежели чем российская историография вопроса. Так, в уже упомянутой работе Д.Г. Кравченко автор делает вывод, что «начиная с 90-х годов XX в. произошли трансформации общественного исторического сознания, а одновременно с этим изменение приоритетов в историческом сознании молодежи. На передний план переместились знания из национальной истории, культурной традиции, языка, обычаев и образов украинского. Произошла переоценка исторических ценностей, событий и исторических личностей. Повысился статус и оценка событий и фактов из национальной истории. В историческом сознании молодежи видное место заняли национальные исторические фигуры и герои» [5, с. 11].

Далее автор продолжает «Историческое сознание молодежи имеет деидеологизированный характер. Одновременно, сегодня в ней противоречиво сосуществуют субъективные подходы к оценке исторических событий, фактов, фигур. Спектр «разобщенности» исторического сознания молодежи отражает общую архитектонику партийно-политического вопроса украинского народа. Переломное значение для исторического сознания украинской молодежи имели исторические события и процессы последнего десятилетия: провозглашения независимости Украины, начало третьего украинского возрождения, поворот к национальной культурно-исторической традиции, принятия Конституции Украины. К сожалению, историческое сознание, в которой бы доминировали национальные идеи и приоритеты, еще не стала массовым явлением в украинской среде в целом, так и среди молодежи. Формирование исторического сознания молодежи предстает как насущная задача сегодняшнего дня, как глубокое социальное задачи» [5, с. 12].

Однако и в самой России в этой области имеются серьезные проблемы. Выделение страты «молодежь» в структуре современного российского общества уже может являться итогом и инструментом управления значительным числом людей, объединенных возрастом и, отчасти, меньшей степенью включенности в общественные, экономические и политические процессы. Представление о молодых людях как о неполно-

ценных гражданах, не готовых вступить во «взрослую» жизнь, равно как навязывание им особых, «молодежных» интересов и занятий, являются инструментом вытеснения молодежи за пределы «взрослого» общества. «Представление молодежи в качестве единой и гомогенной группы, легко определяемой по внешним признакам и «особенностям» поведения...» и основанная на этих представлениях дискриминация молодых людей получило у американского социолога Ф. Коэна определение «юсизма». При этом, юсистские представления на уровне молодежной политики будут опасны не только своим дискриминационным эффектом, но и ложной унификацией молодежи и, как следствие, приписывание всем ее представителям одинаковых свойств и признаков.

Данная тенденция отражается практически во всех исследованиях российских философов и социологов, хоть как-то затронувших контекст «исторического сознания» процесса социализации молодежи [15].

В последнее время исследования исторического сознания в нашей стране оказались направлены в русло онтологического и антропологического аспектов, хотя исследовательский потенциал понятия деятельности оказался в них практически не востребован. Во многом это можно объяснить тем, что идея деятельности в научном сознании во многом отождествляется с официальной марксистской философией истории.

Недостатки рассмотрения категории «историческое сознание» в отечественной философской традиции во многом вытекали из общих недостатков исторического материализма как социально-философской методологии. Историческое сознание рассматривалось как часть (пусть и особая) общественного сознания, что актуализировало в первую очередь гносеологический подход, при этом в тени оставался личностный аспект исторического сознания, механизмы и процедуры взаимосвязи коллективного и индивидуального в историческом сознании. Несмотря на то, что отечественные исследователи с различных позиций проанализировали типы, формы, уровни и состояния исторического сознания, категориально историческое сознание соотносилось то с категорией исторического времени, то непосредственно с прошлым, культурой, то с практической деятельностью в целом. Подобный плюрализм представляется вполне обоснованным в силу сложности самого объекта изучения, проникновением историчности во все сферы и состояния общественной жизни.

И вместе с тем, особый статус исторического сознания в социальном бытии и социальной реальности, по-видимому, требовал более гибкого подхода к структуре исторического сознания, его формам. Это касается и использования, в большинстве исследований исторического сознания марксистско-ленинской теории отражения, где формы общественного сознания оказывались гносеологическим слепком с реальности общественного бытия. Говоря о соотношении с практикой – одним из ключевых понятий в словаре марксистской социальной онтологии укажем на преимущественную ориентацию соотношения исторического сознания с трудом и идеологией, соотношение исторического сознания с практикой вообще.

Последнее представляется методологически верным, но требует известной конкретизации и детализации соотношения исторического сознания и различных форм практической жизни человека. И вместе с тем, работы отечественных исследователей, выполненные в русле марксистской философии позволяют сегодня более объемно рассматривать феномен исторического сознания, его деятельностьную сущность.

В исторической ретроспективе стоит отметить, что в современном российском обществе на уровне политической сферы все-таки традиционным осталось представление о молодежи как об одном из ресурсов развития общества. При этом стоит отметить, что на формирование конкретных требований к новому поколению, определение его роли в общественном развитии страны должно быть направлено, на наш взгляд, на специализированные государственные и общественные организации с учетом исторического опыта молодежной политики в СССР. Так, обращение внимания современных активистов и политиков к периоду 1950-1960-х гг. в развитии молодежного движения в Советском Союзе непосредственно позволит проанализировать процессы не только формирования из молодежи объекта обязательного идеологического воспитания (это есть неотъемлемая часть любой государственной молодежной политики), но и выявить поиски самими молодыми людьми альтернативных вариантов самоидентичности.

Несмотря на то, что молодежь представляет собой крайне специфическую группу, в которой возрастные особенности определяют особенности и способ деятельности и в том числе познавательной и ценностной деятельности по отношению к прошлому, имеет смысл предварить

анализ исторического сознания молодежи кратким обращением к особенностям трансформации институтов исторического сознания в современном мире. Это связано с тем, что молодежь как субъект исторического сознания, несмотря на всю ее специфику, всегда находится в поле действия институтов памяти и исторического сознания.

С позиций современной социологии социальный институт «есть «определенная организация социальной деятельности и социальных отношений, осуществляемая посредством взаимосогласованной системы целесообразно ориентированных стандартов поведения, возникновение и группировка которых в систему обусловлены содержанием конкретной решаемой социальным институтом задачи» [10, с. 369]. Данное определение позволяет выделить два важнейших критерия понимания наличия факта трансформации социального института: трансформация функций и трансформация способов деятельности по ее выполнению.

К группе «основополагающих» институтов исторического сознания могут быть отнесены семья, государство, СМИ, церковь и институт традиции, в силу всеобщности последнего в рамках социума. В отношении семейного исторического сознания нас ожидают достаточно противоречивые тенденции. С одной стороны, изменение характера труда, увеличение экономической самостоятельности женщины, высокий уровень социальной мобильности, безусловно, ведут к разрыву семейных связей и поколений. Преодолению разрыва также не способствует приоритет в обществе знания образования и профессионализма над семейно-родовой принадлежностью. К этим факторам И.М. Савельева и А.В. Полетаев также относят рост интереса к автобиографической памяти и приоритет образования и медиа-истории над «рассказами бабушки» [8, с. 376]. С другой стороны, социологические опросы последних лет не дают однозначной оценки. Так, только 29% американцев в 1977 году интересовались семейной историей [9, с. 110], и лишь 5% русских в начале 2000-х гг. черпали знания о прошлом из семейных архивов [3, с. 78]. Впрочем, приведенные оценки как раз и показывают актуализацию семейного исторического сознания в силу его существенной трансформации. Семья, по-видимому, сохраняет свое функциональное значение, однако, способ деятельности семьи как института исторического сознания изменяется. Семейная память сегодня актуализируется, прежде всего, как среда по передачи знания о семейном прошлом (по-

иски «генеалогических корней»), а как источник социального опыта и средство преодоления рисков - она утрачивает свои позиции.

Противоречивым представляется и роль государства как института исторического сознания. Практически все исследователи сходятся во мнении о существенных трудностях современного национального государства и национально-государственной модели истории. В этом контексте формирование современной российской государственной молодежной политики должно привлекать и активно пропагандировать историческую основу развития молодежного движения в стране. Не стоит путать здесь тенденцию к «реставрации» Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.... Но незнание основ этой организации, трансформации ее целей и задач в истории развития государства может приводить к искажению сознания молодежи и привести к развитию «деградивных форм» развития молодежной самоидентификации.

В этом контексте стоит обратить внимание на развитие историографии изучения советской молодежи в период с 1990-х по 2000-е гг. наряду с положительными тенденциями в расширении источниковой базы, развитию общей исторической методологии изучения проблемы, стоит также отметить и тот факт, что в исторической литературе советская молодежь перестала восприниматься как социокультурный феномен, порожденный исключительно внутренней политикой и идеологией СССР. Многие в поведении и мировоззрении советского молодого человека стало объясняться особенностями индустриального довоенного и послевоенного времени (потребительские стратегии, появление молодежных субкультур [11, с. 270]). Особо хотелось остановиться на развитии самостоятельного направления в исследовании молодежи и ее самосознания – это направление, рассматривающее политические протесты молодежи. Характерной чертой данного направления становится рассмотрение общественной жизни в СССР как широкого поля возможностей выбора различных форм поведения, ни одна из которых не была заведомо лучше другой [4; 7].

Подводя итог, стоит отметить, что молодежная политика как часть государственной политики является процессом многоаспектным и требующим всестороннего и многомерного анализа. Однако, за процессом подсчета финансовых затрат и бюджетных вливаний в него не стоит забывать, что одновременно это и процесс строительства сознания под-

растающего поколения страны – устойчивого, системного сознания. Превращение его в «сознание потребительское» или репрессивное сознание чревато для любой страны социальными конфликтами и революционными потрясениями.

Литература

1. Афанасьев Ю.Н. Понять прошлое, чтобы осмыслить настоящее // Новая газета. 2007. 22 окт.
2. Бороздняк А.И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004.
3. Историческая память: преемственность и трансформации («круглый стол») // СОЦИС. 2002. №8.
4. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
5. Кравченко Д.Г. Історична свідомість української молоді: проблеми формування в трансформаційному суспільстві (соціально-філософський аналіз). Автореф. дис... канд. філос. наук. Київ, 2004.
6. Линченко А.А., Ковригин В.В. Этноцентризм и историческое сознание молодежи в современном мире. Воронеж, 2014.
7. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история в двух томах. Т. 2. СПб., 2006.
9. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М., 2008.
10. Социология. Основы общей теории. М., 2005.
11. Шестопап Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000.
12. Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. №15.
13. Философия. Ростов н/Д: Феникс, 2004.
14. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е гг. СПб., 2008.

References

1. Afanas'ev Yu.N. Ponyat' proshloe, chtoby osmyslit' nastoyashchee. Novaya gazeta. 2007. 22 okt.
2. Borozdnyak A.I. Proshloe, kotoroe ne ukhodit. Ocherki istorii i istoriografii Germanii XX veka. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2004.
3. Istoricheskaya pamyat': preemstvennost' i transformatsii («kruglyi stol»). SOTsIS. 2002. №8.
4. Kozlova N.N. Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii. M., 2005.
5. Kravchenko D.G. Istorichna svidomist' ukraïns'koï molodi: problemi formuvannya v transformatsiinomu suspil'stvi (sotsial'no-filosofs'kii analiz). Avtoref. dis... kand. filos. nauk. Kiev, 2004.
6. Linchenko A.A., Kovrigin V.V. Etnotsentrizm i istoricheskoe soznanie molodezhi v sovremennom mire. Voronezh, 2014.
7. Ol'shanskii D.V. Psikhologiya mass. SPb.: Piter, 2002.
8. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Znanie o proshlom: teoriya i istoriya v dvukh tomakh. T. 2. SPb., 2006.
9. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Sotsial'nye predstavleniya o proshlom, ili znayut li amerikantsy istoriyu. M., 2008.
10. Sotsiologiya. Osnovy obshchei teorii. M., 2005.
11. Shestopal E.B. Psikhologicheskii profil' rossiiskoi politiki 1990-kh. Teoreticheskie i prikladnye problemy politicheskoi psikhologii. M., 2000.
12. Ul' K. Pokolenie mezhdru «geroicheskim proshlym» i «svetlym budushchim»: rol' molodezhi vo vremya «ottepeli». Antropologicheskii forum. 2011. №15.
13. Filosofiya. Rostov n/D: Feniks, 2004.
14. Firsov B.M. Raznomyslie v SSSR. 1940-1960-e gg. SPb., 2008.